

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. О. В. Захарова
г. Петрозаводск, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА БЫЛИНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XIX ВВ.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), проект 15-04-00366 а

Аннотация: Во многих произведениях русской литературы конца XVIII – начала XIX вв. писатели стремились выразить, а подчас и создать национально-исторический миф. Важное значение в таких попытках имели фольклорные жанры и их обработки («Русские сказки» В. А. Левшина, «Добрыня, театральное представление с музыкой» Г. Р. Державина и др.). Былинные герои становились героями разных литературных жанров, подчас оригинальных. Так, взаимодействие фольклорных и литературных жанров, среди которых сказки, былины, древнерусские повести и жития, образовало новый жанр — пасхальную повесть В. И. Даля «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской». Ряд писателей стремились продолжить жанровые традиции «Слова о полку Игореве». Оригинальное понимание былины как фольклорного жанра дал Ф. М. Достоевский, который отметил ее соприкосновение «с красотой высшей, с красотой идеала». В былине, по мнению писателя, выразилось «все мировоззрение народа», «его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы». В системе жанров Достоевского былина могла стать и литературным жанром, который выражает смысл русской истории, русский взгляд на жизнь, русскую идею. В этих былинах могут быть изображены подвиги обыкновенных людей, описаны ключевые эпизоды русской и мировой истории, в которых, по его словам, обновлялось христианство, проявлялась русская будущность. Эти былины могут составить «великую национальную книгу», «послужить к возрождению самосознания Русского человека». К сожалению, жанровое открытие Достоевского стало известно лишь в первой половине XX в. и не было реализовано писателями и поэтами.

Ключевые слова: былина, жанр, русская история, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков.

Информация об авторе: Ольга Владимировна Захарова — кандидат филологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185690 г. Петрозаводск, Россия. E-mail: ovzakh05@yandex.ru

Дата отправки: 25.01.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Захарова О. В. Трансформация жанра былины в русской литературе XVIII–XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 146–157.

Более 160 лет назад К. С. Аксаков писал о содержании и значении былин: «Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляют внешний строй этой жизни, в которой слышится воля и приволье. Но весь этот шумный мир, еще много хранящий в себе следов недавнего язычества, проникнут уже, как сказали мы выше, лучами Христовой веры. Таким образом, первое и главное, что выдается из этого мира Владимирových песен, — это христианская вера; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это в песне о Калине-царе, особенно видится даже и в сказочном образе Ильи Муромца, причтенного в действительной жизни нашей церковью к лику святых. Все богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское присловие, когда приезжает православный витязь к неправославному государю» [1, с. 95].

В советской фольклористике исследователи игнорировали христианское содержание былин, предпочитали писать о языческих корнях эпических представлений, о двоеверии русского народа, о наслоении христианского мировоззрения на мифологическое, что во многом справедливо, не учитывали, что в народном сознании языческое включалось в иерархию христианских ценностей: христианство поглощало и преобразовывало языческие представления. В былине происходило христианское переосмысление мифологических образов и осмысление исторических событий.

В русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. былинные герои часто становились персонажами повестей, литературных сказок, поэм, романов и других произведений, что было обусловлено потребностью создания национально-исторического мифа, стремлением угадать предание, создать «баснословную» историю, вообразить то, как это могло быть в доисторическое время.

Одной из первых попыткой создания «баснословной» истории является сборник В. А. Левшина «Русские сказки» (1780–1783). В «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» автор создает образ языческого Киева. Хотя князь Владимир и другие герои повести обращаются к первосвященнику и жрецам, борьба Добрыни и Тугарина представлена как противодействие духов зла и доброй волшебницы Добрады, в конце повести содержится намек на скорое грядущее обращение к истинной вере. В свою очередь, подражая В. А. Левшину, Г. Р. Державин в финале «оперы» «Добрыня, театральное представление с музыкой» (1804) провозглашает устами волшебницы Добрады будущее христианское величие князя Владимира и России.

В тезаурус современного русского языка концепт *былина* вошел из «Слова о полку Игореве» (1800). Читатели и писатели поняли выражение «по былинам сего времени» как указание на известный, но забытый жанр.

На близость «Слова о полку Игореве» и народной эпической поэзии критики обратили внимание вскоре после публикации произведения (см. работы: [27, с. 4; 28, с. 149–152; 23, т. 2, с. 261–264; 23, т. 3, с. 108, 109, 112, 389–403; 2, с. 3–31; 24, с. 441–455]). Этому способствовал выход в 1804 г. «Сборника Кириши Данилова», в котором собраны произведения, жанр которых К. Калайдович в предисловии ко второму изданию называл то «древними русскими стихотворениями» (вариант: «российскими»), то «древними богатырскими песнями», то «былевыми песнями», то «сказками».

Е. М. Неелов неоднократно ставил вопрос, кто спас князя Игоря из плена, и отвечал: Ярославна, тем самым вписывая ее в контекст женских образов, спасительниц Авдотьи Рязаночки, Февроньи Муромской. Но тогда возникает вопрос: почему Игорь, освободившись из полена, держит путь не к ней в Путивль, а в Киев?

И. А. Есаулов истолковывает зачин «Слова о полку Игореве» как противопоставление двух стилистических манер: «Так автор “Слова” намечает двумя штрихами

доевангельскую проекцию, являющуюся своего рода выбором кода и регистра последующего описания похода князя Игоря: *языческую*, которую наследует Боян, и *христианскую*, которую наследует сам автор “Слова”» [7, с. 42]. По его мнению, автор проводит героя через покаяние, в котором «чудесное возвращение героя в пределы Русской земли — прямое исполнение воли Божией», «душа одного человека “перевешивает” все остальное» [7, с. 43–44]. Это объясняет завершение похода Игоря в киевском храме Богородицы, в котором происходит «соборное единение» живых и почивших во Христе [7, с. 46].

Иначе решена эта тема в «Задонщине»: «...актуальное ранее противопоставление стиля Бояна и автора “Слова...” теперь уже перестает быть таковым: стоявшие за ним различные духовные ориентиры <...> ушли в прошлое. “Русь православная” к этому времени уже основательно освоила мощный пласт язычески-ветхозаветного наследия. <...> Вера христианская — это тот общий знаменатель, которых объединяет всех бардов русских ратных подвигов» [8, с. 42].

Преимущество «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» подчеркивал В. И. Даль выбором эпитафий из этих произведений к опубликованному в 1836 г. в «Северной пчеле» сочинению «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской».

Сюжет «Ильи Муромца» — чудесное исцеление и подвиги богатыря: освобождение Чернигова от татар, одоление Соловья-разбойника, освобождение Киева от Калин-царя, победа Ильи Муромца над разбойниками, бой Ильи Муромца с сыном. Как и в былинах, действие в повести Даля происходит во время правления князя Владимира, Илья Муромец совершает не просто героические, но христианские подвиги: крещение разбойников, освобождение от Литвы и крещение Кинешмы, избавление Киева от «чудища пса-богатыря» Полкана Полкановича.

В разработке сюжета В. И. Даль ориентируется не только на литературную традицию: «Слово о полку Игореве» и «Задонщину», но и на сказку или былинку (старину), заметно влияние житийной традиции.

Сходство фольклорных жанров (былины, сказки) и жития неоднократно отмечалось в отечественной науке. Так, например, в начале XX в. на «сходство некоторых апокрифических и житийных мотивов с былевыми» указывал Б. М. Соколов [25, с. 2]. Отмечая использование общих для народного эпоса и апокрифов мотивов и образов, исследователь делает предположение, что «эпос былинный, эпос, по преимуществу говорящий о славных и могучих богатырях, воспевающий их чудесные подвиги, имеет еще больше точек соприкосновения с житиями святых» [25, с. 4–5]. Противопоставляя «воинов земных воинам Христовым» в «Поучении Феодосия Печерского о терпении и милостыни», Б. М. Соколов подмечает, что «светские богатыри, не всегда довольствовались тем, что “слава их с животом скончалась”, им не могли остаться совершенно чуждыми религиозные идеалы благочестивой Руси и, поработав достаточно “за тщую славу”, они нередко, особенно под конец жизни начинали помышлять о “славе бесконечной”. Книжная литература дает нам богатейшие примеры подобного сживания светских воинских идеалов с идеалами церковно-религиозными и даже аскетическими» [25, с. 5]. Это «сживание светских воинских идеалов с идеалами церковно-религиозными», по мнению ученого, является общим для таких текстов древнерусской словесности, как «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха», некоторые летописи, оно же «в достаточной мере выражено и в былевом эпосе» [25, с. 5].

В аспекте исторической поэтики жанров о родстве волшебной сказки и жития неоднократно писал Е. М. Неелов [19; 20; 21; 22]. Сходство былины и жития отмечено

М. Ч. Ларионовой [16]. По мнению исследовательницы, оно обнаруживается в отражении «процесса формирования русской нации, Русского государства», личные интересы героя подчиняются «служению высокой идее», в общей жанровой установке на «абсолютную достоверность», в «прославлении героя», чьи деяния приобретают «значение образца героизма или святости» как ратного, так и духовного, в его противопоставлении противнику том числе и конфессионально [16, с. 96].

На житийную традицию в «богатырской сказке» В. Даля указывают такие мотивы, как рождение героя от благочестивых родителей, испытание героя и его личная благочестивость, чудо исцеления происходит на Пасху, время его исцеления совпадает с прощением грехов деда Тимофея, старца Илариона.

Уникальный жанр «Ильи Муромца» В. Даля образует взаимодействие фольклорных и литературных жанров: сказки, былины, древнерусской повести и жития. Их связывает христианский хронотоп: на Пасху Илья Муромец исцеляется и совершает свои подвиги. В результате возник новый жанр — пасхальная повесть [26; 11], ср.: [10].

Оригинальную концепцию былины как фольклорного и литературного жанра дал Ф. М. Достоевский. Вместе с тем отметим, что этот жанр не выделен в исследовании о жанрах и жанровой системе писателя [9]. Былина как фольклорный жанр в критике Достоевского описана В. А. Михнюкевичем [18], но исследователь не раскрыл ее оригинальность. В статьях С. В. Капустиной дано сопоставление типа героя и явления богатырства в творчестве Достоевского и Гоголя [13; 14; 15]. Этим, пожалуй, и ограничивается круг исследований о жанре былины в критике и поэтике Достоевского.

Достоевский оказался единственным, кто в былине подчеркнул такой признак жанра, как соприкосновение «с красотой высшей, с красотой идеала», указал на примеры этой красоты — «удивительные типы Ильи Муромца и фантастического Святогора»¹, отметил, что в былине, как в народных песнях, преданиях и сказаниях, «высказалось все, что любит и чтит народ», «выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы» [5, с. 303].

Более того, опираясь на фольклорную традицию, Достоевский создал концепцию былины как литературного жанра, которую он подробно изложил в письме Ап. Майкову от 15/27 мая 1869 г.

Письму предшествовала более чем годовая переписка поэта и романиста, имевшая важное литературно-критическое значение.

В то время А. Н. Майков работал над переводами «Апокалипсиса» и «Слова о полку Игореве», писал поэмы на исторические темы, задумал цикл прозаических рассказов из русской истории для учащихся начальных школ. Поэт полагал, что имеющиеся исторические сочинения сухи, тенденциозны, рассудочны, не достигают своей цели, нужна другая — «живая история», написанная «чувством и воображением» [17, с. 143]. В письме Достоевскому поэт кратко охарактеризовал свой замысел исторических рассказов, которые должны создать «представление о России». Эти рассказы он хотел посвятить ключевым именам и эпизодам русской и мировой истории, начиная с X в., таким как князь Владимир и принятие христианства, Александр Невский и нашествие татар, «его страдальчество за русскую землю, или заповеданное терпение русскому народу»,

¹ Ср.: «И тогда только очищается чувство, когда соприкасается с красотой высшей, с красотой идеала. Это соприкосновение с красотой идеала есть и в былинах наших, и в сильной <В рукописи ошибочно: силиной> степени. Там есть удивительные типы Ильи-Муромца, [и удивительн] [/Свя/] /и фантастического/ Святогора и проч.». — РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 26.

собрание Русских земель, «Взятие Царьграда Турецким султаном Магометом II, возникновение Третьего Рима (Москва), брак с Софьей, герб, упование востока, новая роль московских царей, т. е. Иван III, Василий, Иван IV — покорение магометанских царств, и требования отчины Киева и русских земель от Литвы», Смутное время, реставрация самодержавия, реформы Петра I, «пробуждение православия на Балкане», продолжение дел Петра Екатериной Великой, «нашествие двадцати языков» в 1812 г., Крымская война, освобождение крестьян в 1861 г. ... [17, с. 143–144].

Свой замысел поэт реализовал частично. Он написал и опубликовал в течение 1869 г. три рассказа, два из них были созданы под влиянием Достоевского². Впрочем, степень влияния не стоит преувеличивать, они были люди одних убеждений, одних творческих стремлений.

Достоевский напомнил Ап. Майкову их переписку годичной давности. 18 февраля/1 марта 1868 г. он писал:

Ваша «Софья Алексеевна» — совершенная прелесть, но у меня мысль махнула: Как бы хорошо могло бы быть, если б вот этакая «Софья Алексеевна» очутилась эпизодом в *целой поэме* из того времени, т<о> е<сть> *поэме раскольничьей*, или в романе в стихах из того времени. Неужели Вам такие намерения никогда не заходят в голову? А такая поэма произвела бы огромный эффект [6, с. 223].

Чуть позже в письме от 21–22 марта / 2–3 апреля 1868 г. Достоевский пытался увлечь поэта предложением «прославиться», заинтриговать новым творческим замыслом, который возник у него в связи с «Софьей Алексеевной»:

Это не роман и не поэма. Но это так нужно, так будет необходимо, и так будет оригинально и ново и с таким необходимым, русским направлением, что сами ахнете! Я Вам изложу программу [6, с. 246].

О том, что ему не удалось изложить свой замысел, Достоевский напоминал в письме от 15/27 мая 1869 г.:

...я писал к Вам, полный серьезного и глубокого восторга, о *новой идее*, пришедшей мне в голову, собственно для Вас, для Вашей деятельности, — (т<о> е<сть> если хотите идея пришла сама по себе, как нечто самостоятельное и для меня вполне целое, но так как сам себя я никоим образом не мог считать возможным исполнителем этой идеи, то назначил ее, в желаниях моих, для Вас, естественно. Так даже, что может она и родилась—то во мне именно, как я уже сказал, *для Вас*, или лучше сказать нераздельно с образом Вашим, *как поэта*). Если б Вы тогда, летом, тотчас бы мне ответили, я бы послал Вам огромное разъяснение идеи, с подробностями; я уже и обдумал тогда, все до последней строчки, что Вам написать. Но кажется и лучше вышло, что Вы мне тогда не ответили [6, с. 316].

Творческое предложение Достоевского заключалось в разработке отдельных эпизодов русской истории в «увлекательных, обаятельных стихах, — в таких стихах, которые сами по себе, безо всякого усилия, наизусть заучиваются» [6, с. 316], в создании нового литературного жанра («неромана» и «непоэмы»), который он назвал *былинами*, или «рядом былин». Впрочем, Достоевский не настаивает на своей дефиниции («как хотите назовите»); уточняя свою концепцию, он в скобках расширил жанровый ряд «былин»: «баллады, песни, маленькие поэмы, романсы» [6, с. 316].

² Все обстоятельства переписки Достоевского и Ап. Майкова см. подробно в статье «Концепция былины у Ф. М. Достоевского» [12].

Жанровая сущность былины близка поэме. В них даже и не автор творец, «а жизнь, могучая сущность жизни, Бог живой и сущий, совокупляющий свою силу в многообразии создания *местами*, и чаще всего в великом сердце и в сильном поэте, так что если не сам поэт творец, — (а с этим надо согласиться, особенно Вам как знатоку и самому поэту, потому что ведь уж слишком цельно, окончательно и готово является вдруг из души поэта создание) — если не сам он творец, то по крайней мере душа—то его есть тот самый рудник, который зарождает алмазы и без которого их нигде не найти» [6, с. 316].

Достоевский представил былину как новый литературный жанр, который способен выразить смысл русской истории, русский взгляд, русскую идею. Он призвал с любовью воспроизводить в былинах «всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом» [6, с. 316]. Это должна быть не «простая летопись», а «сердечная поэма», даже без строгой передачи факта, «чтоб видно с какой мыслию он вылился, с какой любовью и мукою эта мысль досталась», без «эгоизма, *без слов от себя*», «как можно *наивнее*, только чтоб одна любовь к России была горячим ключом» [6, с. 317].

Эти былины «могли бы быть великою национальною книгой и послужить к возрождению самосознания Русского человека много», это «наука, это проповедь, это подвиг» [6, с. 318].

Призывая поэта к подвигу, Достоевский создал образец жанра — изложил содержание одной задуманной былины, которую он, по собственному признанию, «все в уме тогда сочинил и долго потом сочинял» [6, с. 317].

Ее сюжет — взятие Константинополя Мехмедом II Завоевателем в 1453 г. Достоевский относит это событие к русской истории и сам удивляется этому обстоятельству:

...и это прямо и невольно явилось как былина *из Русской Истории*, сама собою и без намерения; потом я сам подивился как, без всякого сомнения и даже без обдумывания и без сознания, у меня так пришлось что взятие Константинополя, я причем прямо *к Русской Истории* не усумнившись нимало [6, с. 317].

В письме Достоевский привел несколько сюжетов былин. «Программа» каждой из них закончена и совершенна как художественное явление и раскрывает концепцию былины как литературного жанра. Необходимо привести их полностью. Каждый сюжет имеет самостоятельное значение и внутренне завершен. В изложении былин выверено каждое слово. Их текст — в полном смысле поэма в прозе:

Вся эта катастрофа в наивном и сжатом рассказе: турки облегли Царьград тесно; последняя ночь перед приступом, который был на заре; последний император, ходит по дворцу —

(«Король ходит большими шагами»)

идет молиться образу Влахернской Божией Матери; Молитва; приступ, бой; Султан с окровавленной саблей въезжает в Константинополь. Труп последнего Императора отыскивают по приказанию Султана в куче убитых, узнают по орлам вышитым на сапожках, Святая София, дрожащий Патриарх, последняя обедня, Султан не слезая с коня, скачет по ступеням в самый Храм (*historique*³), доскакав до середины Храма останавливает коня в смущении, задумчиво и с смятением озирается и выговаривает слова: «Вот дом для молитвы Аллаху!»! За тем выбрасывают иконы, престол, ломают алтарь, становятся мечеть, труп Императора хоронят, а в Русском Царстве, последняя из Палеологов является, с двуглавым орлом вместо приданого; русская Сватьба, Князь

³ Исторический очерк (*фр.*).

Иван III в своей деревянной избе вместо дворца, и в эту деревянную избу переходит и великая идея о всеправославном значении России и полагается первый камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг Русской будущности, полагается мысль не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство, всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда Папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся, западном человечестве [6, с. 317].

Другие сюжеты описаны не столь подробно, они лишь обозначены:

Да и не эта одна мысль об этой эпохе: была у меня мысль, рядом с изображением деревянной избышки и в ней умного, с величавой и глубокой идеей Князя, в бедных одеждах Митрополита сидящего с Князем, и прижившейся в России Фоминишны — вдруг, в другой уже балладе перейти к изображению конца пятнадцатого и начала 16го столетия в Европе, Италии, Папства, искусства Храмов, Рафаэля, *поклонения Аполлону Бельведерскому*, первых слухов о Реформе, о Лютере, об Америке, об золоте, об Испании и Англии, — целая, горячая картина в #ль <параллель. — О.З.> со всеми предыдущими русскими картинами, — но с намеками о будущности этой картины, о будущей науке, об атеизме, о *правах человечества*, сознанных по-Западному а не по-нашему, что и послужило источником всего, что есть и что будет. В горячей мысли моей я думал даже, что не надо кончать былины на Петре на пример, об котором непременно нужно особенное хорошее слово и хорошая поэма-былина с смелым и *откровенным* взглядом, *нашим взглядом*. Я бы прошел до Бирона, до Екатерины и далее — я бы прошел до освобождения крестьян и до бояр, рассыпавшихся по Европе с последними кредитными рублишками, до барынь блядующих с Боргезанами, до семинаристов, проповедующих атеизм, до всегуманных и всесветных граждан русских графов, пишущих критики и повести и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. Поляки бы должны были занять много места. Затем кончил бы фантастическими картинами будущего: Россия через два столетия, и рядом померкшей истерзанной и оскотинившейся Европы, с ее цивилизацией. Я бы не остановился тут *ни перед какой фантазией...* [6, с. 317–318].

Еще один сюжет (завоевание Ермаком Сибири) Достоевский излагает без подробностей, но в этом рассказе еще ярче выражена сущность жанра:

Об Ермаке же ничего Вам сказать не могу; вы конечно лучше знаете. По-моему, сначала казачье — удалство — бродяжничество и разбой. Потом уже указывается гениальный человек под бараньим тулупом; угадывает колоссальность дела и будущее значение его, но уже тогда, когда почти все дело пошло на лад и удачно обделалось. Тут рождается *русское* чувство, православное чувство единения с русским корнем, (даже непосредственное может быть чувство вроде тоски) — а из того выходит посольство и челобитье великому государю, выражающему в понятиях народа вполне русский народ. (NB. Главное и полнейшее выражение этого понятия дошло до полного, последнего своего развития, знаете ли когда, по-моему? В нашем столетии. Разумеется, я говорю об народе, а не о прогневших боярах и семинаристах) [6, с. 318–319].

Письма Достоевского показывают, какие былины из русской истории он мог бы писать, но предпочел поделиться своим замыслом с Ап. Майковым, который не ставил перед собой столь амбициозных задач. К сожалению, ни их переписка, опубликованная лишь в 1920-е гг. [3; 4], ни рассказы Ап. Майкова о русской истории не оказали заметного влияния на эволюцию жанра. Сам Достоевский отчасти реализовал свой замысел в поэме «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы»), но сюжет был не былинный — не из русской, а из мировой истории.

Достоевский представил былинку как литературный жанр. В задуманных им былинах нет богатырей, но есть подвиги обыкновенных людей. Их содержанием становились ключевые эпизоды и поворотные моменты русской и мировой истории, в которых обновлялось христианство, проявлялась русская будущность.

1860–1890-е гг. — время открытия живой сказительской традиции на Русском Севере и Сибири. По результатам фольклорных экспедиций были опубликованы собрания эпических песен П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и др. Художественным открытием русского былевого эпоса стало музыкальное творчество А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, А. С. Аренского. Богатырская тема представлена в русской живописи, прежде всего в творчестве И. Е. Репина, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, А. П. Рябушкина, И. Я. Билибина, Н. К. Рериха. В русской журналистике 1860–1870-х гг. получила развитие другая тенденция — дегероизация жанра: богатыри зачастую становились героями юмористических и сатирических произведений и пародий. Героико-патриотическая концепция жанра осталась в фольклоре. Без Достоевского былина как литературный жанр не состоялась. Появился этот жанр — и русская литература в некоторых существенных чертах была бы другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.
- 2 Булаев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Ник. Тихонравовым. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1859. Т. 1. С. 3–31.
- 3 Достоевский Ф. М. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. СПб.: Мысль, 1922. Сб. 1. 517 с.
- 4 Достоевский Ф. М. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Л.: Мысль, 1924. Сб. 2. 780 с.
- 5 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 12: 446 с.
- 6 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 15. Кн. 2. 505 с.
- 7 Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 32–60.
- 8 Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
- 9 Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
- 10 Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 249–261.
- 11 Захарова О. В. «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» В. И. Даля (проблема жанра) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 5. С. 283–294.
- 12 Захарова О. В. Концепция былины у Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 271–286.
- 13 Зябрева Г. А., Капустина С. В. Художественный концепт «богатырство» в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 1. С. 114–123.
- 14 Капустина С. В. Богатырство как христианское служение в миру (на материале прозы Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) // Официальный сайт Харківського національного ун-та ім. В. Н. Каразіна. URL: http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_994/content/kapustina.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

- 15 Капустина С. В. Феномен богатырства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 233–242.
- 16 Ларионова М. Ч. Древнерусская литература и фольклор: историко-культурный контекст // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Том 8. № 4. С. 95–100.
- 17 Майков А. Письма к Достоевскому. 1867–1878. Вступительная статья — Тексты — Примечания // Ашимбаева Н. Т. Достоевский. Контекст творчества и времени: сб. ст. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 91–168.
- 18 Михнюкевич В. А. Былины // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997. С. 142.
- 19 Неелов Е. М. «Повесть о Петре и Февронии» и «Царевна-лягушка» // Рябининские чтения'95: междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации нар. культуры Рус. Севера: сб. докл. Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центра РАН, 1997. С. 177–183.
- 20 Неелов Е. М. Сказка и житие // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 61–72.
- 21 Неелов Е. М. Сказка и житие (статья вторая) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 57–66.
- 22 Неелов Е. М. «По щучьему велению...»: литературная трансформация фольклорного мотива // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 44–50.
- 23 Полевой Н. А. История русского народа. М.: Тип. Августа Семена, при Имп. мед.-хирургической акад., 1830. Т. 2. 472 с.; 1830. Т. 3. 415 с.
- 24 Полевой Н. А. Рец. на кн.: Слово о полку Игореве / изд. для учащихся Н. Тихонравовым. М., 1866 // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Февраль. С. 441–455.
- 25 Соколов Б. М. О житийных и апокрифических мотивах в былинах. М.: Синодальная тип., 1916. 23 с.
- 26 Тарасов К. Г. Пасхальные мотивы в творчестве В. И. Даля // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 5. С. 295–302.
- 27 Цертелев Н. Д. Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений. СПб.: Тип. Греча, 1820. 35 с.
- 28 Цертелев Н. Д. О произведениях древней русской поэзии // Сын Отечества. 1820. № 30. Ч. 63. С. 149–152.

© 2018. Olga V. Zakharova
Petrozavodsk, Russia

TRANSFORMATIONS OF BYLINA'S (EPIC POEM) GENRE IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH–19TH CENTURIES

Acknowledgements: The paper is prepared with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant 15-04-00366 a.

Abstract: In many Russian literary works of the late 18th – early 19th century, writers were aspiring to express and occasionally to create a national and historical myth. Folklore genres and their adaptations were significant in such attempts (“Russian Fairy Tales”

by Vasily A. Levshin, “Dobrynya, a Theatrical Performance with Music” by Gavriil R. Derzhavin, etc.). The bylina (Russian epic poem) heroes were characters in different literary genres, sometimes in original ones. Thus, the interaction of folklore and literary genres (e.g., fairy tales, bylinas, Old Russian stories and hagiographies) comprised a new genre — Vladimir I. Dahl’s Easter short novel “Ilya Muromets. A Tale of Heroic Rus”. A number of writers were eager to carry on the genre traditions of “The Tale of Igor’s Campaign”. Fyodor M. Dostoevsky proposed an original conception of bylina as a folklore genre. He noted its tangency “with the paramount beauty, the beauty of the ideal”. In the writer’s opinion, “the whole world outlook of the people”, “their ideals of heroes, tsars, national defenders and sympathizers, the images of valour, humility, love and sacrifice” were manifested in the bylina. In Dostoevsky’s system of genres, bylina could also become a literary genre expressing the sense of Russian history, the Russian view on life, the Russian idea. These bylinas may depict the feats of ordinary people, describe the pivotal episodes of Russian and world history, in which, in the writer’s words, Christianity was reviving and the Russian future was emerging. These bylinas are able to comprise “a great national book” and “serve to the revival of self-consciousness of the Russian”. Unfortunately, Dostoevsky’s genre discovery became known only in the first half of the 20th century and has not been actualized by writers and poets.

Keywords: Bylina (Russian epic poems), genre, Russian history, V. I. Dahl’, Dostoevsky, A. N. Maykov.

Information about the author: Olga V. Zakharova — PhD in Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Leninsky ave., 33, 185690 Petrozavodsk, Russia. E-mail: ovzakh05@yandex.ru

Received: January 25, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Zakharova O. V. Transformations of bylina’s genre (epic poem) in the Russian literature of the 18th–19th centuries. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 146–157. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Aksakov K. S., Aksakov I. S. *Literaturnaja kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1981. 384 p. (In Russian)
- 2 Buslaev F. I. Russkaja poezija XI i nachala XII veka [Russian poetry of the 11th and early 12th century]. *Letopisi russkoj literatury i drevnosti, izdavaemye Nik. Tihonravovym* [The chronicle of Russian literature and antiquity. Published by Nick. Tihonravov]. Moscow, Tip. V. Gracheva i komp. Publ., 1859, vol. 1, pp. 3–31. (In Russian)
- 3 *Dostoevskij F. M. Stat'i i materially* [Articles and materials], ed. by A. S. Dolinin. Petrograd, Mysl' Publ., 1922. Vol. 1. 517 p. (In Russian)
- 4 *Dostoevskij F. M. Stat'i i materially* [Articles and materials], ed. by A. S. Dolinin. Leningrad, Mysl' Publ., 1924. Vol. 2. 780 p. (In Russian)
- 5 Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t.* [The complete works: in 18 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004. Vol. 12. 446 p. (In Russian)
- 6 Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 18 t.* [The complete works: in 18 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2005. Vol. 15, part 2. 505 p. (In Russian)
- 7 Esaulov I. A. Kategorija sobornosti v russkoj literature (k postanovke problemy) [The Category of conciliarism in Russian literature]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [The

- issues of historical poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1994, vol. 3, pp. 32–60. (In Russian)
- 8 Esaulov I. A. *Kategorija sobornosti v russkoj literature* [The Category of conciliarism in Russian literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1995. 288 p. (In Russian)
- 9 Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologija i pojetika* [The system of genres of Dostoevsky: typology and poetics]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1985. 208 p. (In Russian)
- 10 Zakharov V. N. Pashal'nyj rasskaz kak zhanr russkoj literatury [Easter story as a Russian Literary Genre]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [The issues of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1994, vol. 3, pp. 249–261. (In Russian)
- 11 Zakharova O. V. “Il'ja Muromec. Skazka Rusi bogatyrskoj” V. I. Dalja (problema zhanra) [Ilya Muromets: the Tale of heroic Rus by Vladimir Dahl (The Problem of the Genre)]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [The issues of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1998, vol. 5, pp. 283–294. (In Russian)
- 12 Zakharova O. V. Koncepcija byliny u F. M. Dostoevskogo [Dostoevsky's conception of the epic poem]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [The issues of historical poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 2015, vol. 13, pp. 271–286. (In Russian)
- 13 Zjabreva G. A., Kapustina S. V. Hudozhestvennyj koncept “bogatyrstvo” v tvorchestve N. V. Gogolja i F. M. Dostoevskogo [The artistic concept of “epic heroes” in the works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of Taurida national University. V. I. Vernadsky]. Serija “Filologija. Social'nye kommunikacii” [Series “Philology. Social communication”], 2011, vol. 24 (63), no 1, pp. 114–123. (In Russian).
- 14 Kapustina S. V. Bogatyrstvo kak hristianskoe sluzhenie v miru (na materiale prozy N. V. Gogolja i F. M. Dostoevskogo) [Epic heroes as a way of Christian ministry in a secular world (based on the prose of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky)]. *Ofitsiinii sait Kharkivs'kogo natsional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina* [The official website of Kharkiv national Karazin University]. Available at: http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_994/content/kapustina.pdf (accessed 20 November 2017). (In Russian)
- 15 Kapustina S. V. Fenomen bogatyrstva v traktovke N. V. Gogolja i F. M. Dostoevskogo [The phenomenon of “epic heroes” according to N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [The issues of historical poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 2014, vol. 12, pp. 233–242. (In Russian)
- 16 Larionova M. Ch. Drevnerusskaja literatura i fol'klor: istoriko-kul'turnyj kontekst [Old Russian literature and folklore: Historical and Cultural context]. *Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra RAN*, 2012, vol. 8, no 4, pp. 95–100. (In Russian)
- 17 Majkov A. Pis'ma k Dostoevskomu. 1867–1878. Vstupitel'naja stat'ja — Teksty — Primechanija [Letters to Dostoevsky. 1867-1878. Introduction — Texts — Notes]. Ashimbaeva N. T. *Dostoevskij. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevsky. The context of works and time]. St. Petersburg, Serebrjanyj vek Publ., 2005, pp. 91–168. (In Russian)
- 18 Mihnjukevich V. A. Byliny [Epic poems]. *Dostoevskij: Jestetika i pojetika. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and poetics. Dictionary]. Cheljabinsk, Metall Publ., 1997, p. 142. (In Russian)
- 19 Nejolov E. M. “Povest' o Petre i Fevronii” i “Carevna-ljagushka” [“The Tale of Peter and Fevronia” and “Frog Princess”]. *Riabininskie chteniia '95: mezhdunarodnaia*

- nauchnaia konferentsiia po problemam izucheniia, sokhraneniia i aktualizatsii narodnoi kul'tury Russkogo Severa: sbornik dokladov* [Riabininsky readings'95: international scientific conference on the issues of study, preservation and mainstream popular culture of the Russian North: book of reports]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN Publ., 1997, pp. 177–183. (In Russian)
- 20 Nejolov E. M. Skazka i zhitie [Faire tale and hagiography]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [The issues of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1998, vol. 5, pp. 61–72. (In Russian)
- 21 Nejolov E. M. Skazka i zhitie (stat'ja vtoraja) [Fairy tale and hagiography. (Article 2)] *Problemy istoricheskoi pojetiki* [The issues of historical poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 2001, vol. 6, pp. 57–66. (In Russian)
- 22 Nejolov E. M. “Po shhuch'emu veleniju...”: literaturnaja transformacija fol'klornogo motiva [“As if by magic ...” — Literary transformation of the folklore motif]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [The issues of historical poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 2008, vol. 8, pp. 44–50. (In Russian)
- 23 Polevoj N. A. *Istorija russkogo naroda* [History of the Russian people]. Moscow, Tip. Avgusta Semena, pri Imperatorskoi meditsinsko-khirurgicheskoi akademii Publ., 1830. Vol. 2. 472 p. 1830. Vol. 3. 415 p. (In Russian)
- 24 Polevoj N. A. Retsenziia na knigu: Slovo o polku Igoreve, izd. dlja uchashhihsja N. Tihonravovym. Moscow, 1866 [Book review: The Tale of Igor's Campaign, ed. for pupils by N. Tikhonravov. Moscow, 1866]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1867, February, pp. 441–455. (In Russian)
- 25 Sokolov B. M. *O zhitijnyh i apokrificheskikh motivah v bylinah* [On hagiographic and apocryphal motifs in the epic poems]. Moscow, Sinodal'naja Tip. Publ., 1916. 23 p. (In Russian)
- 26 Tarasov K. G. Pashal'nye motivy v tvorchestve V. I. Dalja [Easter Motifs in Vladimir Dahl's works]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrSU Publ., 1998, vol. 5, pp. 295–302. (In Russian)
- 27 Certelev N. D. *Vzgljad na russkie skazki i pesni i povest' v duhe starinnyh russkikh stihotvorenij* [View on the Russian fairy tales, songs and short novel in the spirit of ancient Russian poems]. St. Petersburg, Tip. Grecha Publ., 1820. 35 p. (In Russian)
- 28 Certelev N. D. *O proizvedenijah drevnej russkoj poezii* [On the works of ancient Russian poetry]. *Syn Otechestva*, 1820, no 30, part 63, pp. 149–152. (In Russian)